

*Посвящаю эту книгу
своим замечательным
читателям.*

ПЯТЬЮ ГОДАМИ РАНЕЕ

Ерошу и без того взлохмаченные, мокрые волосы. Запятье плохо сгибается. Уже целый час я лежу в ванне, то и дело погружаясь в воду с головой и отсчитывая, как долго могу не дышать. Пока что мой рекорд — девяносто три секунды. Маловато.

Сажусь на край ванны и тянусь к шкафчику над раковиной за упаковкой обезболивающего. Осталось всего несколько таблеток. Надеюсь, мама скоро купит еще. Достāju две таблетки и, зажав их в кулаке, наполняю стакан водой. Глотаю одну за другой; остатки воды выливаю в раковину.

Повернувшись боком, разглядываю в зеркале шрамы на спине. Возле лопатки виднеется свежая царапина; хорошо, что кровить перестала. Под ней переливается багровым и фиолетовым огромный синяк. Дотрагиваюсь до него и чувствую глубоко под кожей тупую, ноющую боль. Я бы принес льда из кухни, но тогда придется пройти мимо гостиной, а я не хочу привлекать к себе внимание. Уже поздно, двенадцатый час. Я давно должен быть в постели: завтра в школу.

Встаю и убираю оставшиеся таблетки в шкафчик. Кладу их на вторую полку сверху — выше не достāju — и придвигаю к самой стенке. Конечно, завтра они мне понадобятся. Закрыв шкафчик, вижу свое отражение и только сейчас замечаю на нижней губе ранку. Подавшись вперед, рассматриваю ее, зажав губу между пальцами. Ранка уже заживает. Не помню, когда она возникла, но точно не сегодня.

Покачав головой, отодвигаюсь от зеркала. Неважно, когда я ее схлопотал. Как только она заживет, ее сменит другая. Появятся новые синяки, новые ушибы.

Продолжаю разглядывать себя в зеркале. Спина сгорблена, уголки губ опущены, глаза ввалились и потускнели. Откидываю со лба челку, открывая глубокую горизонтальную ссадину. Она очень долго не проходит, и я уже начинаю волноваться, как бы на ее месте не образовался шрам. Торопливо загораживаю ссадину волосами и, отвернувшись от зеркала, натягиваю футболку. Футболку я вынужден носить постоянно, чтобы закрывать потемневшие синяки на спине. Стоит одному зажать, на его месте неизменно появляется другой. Надеваю шорты и, спустив воду из ванны, небрежно швыряю туда влажное полотенце. Последний раз бросаю взгляд на зеркало. Синяков не видно, можно идти.

Осторожно выхожу в коридор. Свет выключен, темно. На цыпочках пробираюсь к лестнице. Дверь в гостиную приоткрыта. Родители смотрят какое-то шоу: до меня доносятся их голоса и смех, а еще шум от телевизора. Они сидят в обнимку на диване. Отец нежно прижимает маму к себе, уткнувшись ей в волосы. Мама смеется, хотя вид у нее усталый. Она вернулась с работы всего час назад, как раз когда я заходил в ванную.

Поднимаюсь на второй этаж. Мягкий ковер заглушает звук шагов. Вижу впереди проникающий сквозь дверной проем свет, который я так и не выключил. Перед тем как идти к себе, захожу в комнату справа, к братьям.

Глаза привыкают к темноте, и я различаю самого младшего, Чейза. Он спит на животе, обняв подушку и свесив одну ногу с постели. На кровати напротив тихонько посапывает Джейми. На лбу у него шишка: сегодня мальчик из класса случайно попал в него мячом во время игры в бейсбол.

Как бы я хотел, чтобы мои синяки тоже были чистой случайностью.

Прикрываю дверь, оставив небольшую щелку для Чейза, который все еще боится темноты, и иду в свою спальню.

За этот час в комнате ничего не изменилось. На полу по-прежнему валяются тетрадные листки, на которых я делал задание по алгебре и, очевидно, выполнил его недостаточно хорошо. Один из листков порван в клочки: именно на нем было то уравнение, которое я решил неправильно.

Всего одна ошибка — и вся работа забракована, пусть это всего лишь задание для седьмого класса. Сдавать его нужно только на следующей неделе, но придется завтра же все переписать и надеяться, что на этот раз он будет доволен.

Собираю листки с пола и, запихнув их в рюкзак, гашу свет. Забираюсь в постель, вздрагивая от боли, осторожно переворачиваюсь на правый бок. Целую вечность лежу в темноте, подтянув одеяло к подбородку и уставившись в стену. Я каждую ночь долго не могу заснуть.

Подняв левую руку, разминаю пальцы и запястье. Вообще-то я должен выполнять это упражнение как можно чаще, но все время забываю. Я целые четыре недели носил гипс, и теперь запястье почти не сгибается. Наверное, пройдет еще несколько недель, прежде чем руку удастся разработать.

Кто-то поднимается по лестнице. Спешу закрыть глаза и делаю вид, что сплю. Я отлично наловчился притворяться. Стараюсь дышать глубоко и ровно, для достоверности даже приоткрываю рот.

Чуть разлепив веки, различаю на пороге силуэт. Сомнений нет: это он. Как всегда.

Дверь тихо закрывается, через несколько секунд в комнате раздается звук шагов. Не знаю, зачем он здесь на этот раз. Очень хочется подсмотреть, но не решаюсь и лежу, не шелохнувшись. Он начинает чем-то шуршать. Судя по тому, что случилось сегодня вечером, роется в моем рюкзаке, пытаюсь добраться до задания по алгебре. Опять тишина. Потом шорох. Глубокий вздох, напоминающий стон.

А потом — голос: «Прости меня, Тайлер». Непонятно, поверил ли он, что я сплю. Он часто просит прощения — совершенно неискренне. Если бы он и правда сожалел о том, что натворил, не было бы нужды повторять эти слова снова и снова. Ему всегда есть за что извиняться. И мне страшно.

Продолжаю лежать неподвижно. Он уйдет, только когда окончательно убедится, что я уснул. Видимо, у меня получилось. По крайней мере, он ничего больше не говорит. Однако не уходит. Гадаю, где он стоит: у двери или прямо возле меня.

Несколько секунд я усердно посापываю, мысленно умоляя его побыстрее убраться отсюда. Снова тяжелые шаги и скрип двери. И опять — вздох. Похоже, он сердится. Может, на меня, а может, на самого себя. Наверное, все-таки на меня, как обычно.

Наконец легкий стук: вышел, закрыв за собой дверь.

Вздыхаю с облегчением и оглядываю комнату. Сегодня он больше не придет, теперь можно спать спокойно. Только я, конечно, не засну. Уже несколько месяцев меня мучает бессонница. Я часто просыпаюсь и подолгу смотрю в потолок.

И все-таки ночь — мое любимое время суток. Приятно осознавать, что в течение следующих семи часов ты в безопасности. Хотя завтра все повторится. Буду сидеть на уроках и притворяться, что все в порядке. Прятать от мамы новые синяки и ссадины, которые обязательно появятся. И все они — дело рук моего отца.

2

НАШИ ДНИ

В пиво явно что-то подлили: минут десять назад вкус был совсем другим. Наклоняю к себе бутылку и, зажмурив один глаз, заглядываю внутрь, пытаюсь понять, что туда подмешали, стоило мне отвернуться. Пиво пахнет ромом. Смотрю через дверной проем в кухню. Джейк Максвелл стоит спиной ко мне и, склонившись над столом, смешивает разные напитки, как заправский бармен. Ненавижу его.

— Что-то не так?

Оборачиваюсь к Тиффани. Последние минут пять она сидит, закинув длинные загорелые ноги на мои колени, положив голову мне на плечо. Замечаю, что она перестала водить пальцем по моей груди и изучающе глядит на меня снизу вверх. Ее ярко-голубые глаза обрамлены длинными густыми ресницами — вчера таких не было.

— Джейк считает, что подлить ром в пиво — отличная шутка, — поясняю я. Скрипнув зубами, опускаю бутылку на столик рядом с диваном и бормочу: — Иди ко мне.

Обнимаю Тиффани за плечи и притягиваю к себе. Она прижимается щекой к моей рубашке. Сейчас перепачкает ее косметикой, ну и плевать. Зато какие у Тиффани ноги! Начинаю поглаживать ее колено. Потихоньку веду ладонь выше, к бедру. Тиффани одета в обтягивающее черное платье. Оно для нее коротковато, а я и доволен.

— Когда выдвигаемся?

— Около одиннадцати, — рассеянно отвечает Тиффани и, поощряя меня, сама направляет мою руку еще выше, под платье. Касаюсь ее кружевных трусиков.

Усмехнувшись, Тиффани выпрямляется и, щекоча губами мое ухо, с придыханием спрашивает:

— Сегодня ночуешь у меня?

Пару лет назад ее призывный шепот сводил меня с ума, а сейчас оставляет полностью равнодушным. Тиффани пытается удержать меня с помощью секса. И пока ей это удастся. Не убирая ладони с ее бедра, усаживаю Тиффани к себе на колени и, отбросив ее светлые пряди, целую в шею. Запрокинув голову и закрыв глаза, она ерошит мои волосы. Оставляю на ее коже засос. Тиффани утверждает, что терпеть не может эти отметины, но никогда меня не останавливает, так что, думаю, на самом деле ей все нравится.

Внезапно она отталкивает меня и вскакивает на ноги. Джейк врубил музыку так громко, что я не услышал, как открылась входная дверь. У Тиффани оказался более острый слух: она торопливо ставит бутылку на стол и оправляет платье, безуспешно пытаясь натянуть его пониже.

— Мама! — суетливо бормочет она, устремляясь на встречу матери. — Ты же говорила, что вернешься поздно!

— А я и вернулась поздно. Уже половина девятого, — возражает Джилл, мама Тиффани. Прижимая к себе сумочку, стуча каблуками по деревянному полу, она проходит в кухню и сразу замечает на столе выпивку. Джейк торопливо выключает музыку. Джилл смотрит на дочь с осуждением. — Ты не предупредила, что позовешь гостей.

Тиффани не оставляет попыток хоть как-то прикрыть коротеньким платьем голые ноги. Совершенно очевидно: ее мама не в восторге от происходящего.

— Я думала, к твоему приходу все уже разойдется, — пожав плечами, объясняет Тиффани и складывает руки на груди, загоразивая декольте.

— И куда вы собрались? — как обычно резким тоном спрашивает Джилл. Мы с Тиффани встречаемся уже несколько лет, и за все это время я ни разу не видел, чтобы ее мама улыбалась. Джилл — та еще сучка. Да и Тиффани хороша.

— На вечеринку. — Тиффани надувает губки. — Тут пока просто отсиживаемся. Нельзя же появиться на тусовке слишком рано, мам! Это неприлично.

— Ладно, — нехотя кивает Джилл. По тону понятно: наше присутствие ее не радует. — Только сделайте музыку потише. Голова трещит.

Джилл потирает виски и, поправив волосы, поворачивается к двери. Перед уходом кидает на меня уничижительный взгляд. А я машу ей рукой и нахально улыбаюсь, потому что знаю: ее это бесит.

Мама Тиффани меня терпеть не может. Невзлюбила с первого взгляда, хотя в то время мы с Тиффани были просто приятелями. Джилл не хочет, чтобы ее дочь со мной встречалась, потому что уверена: я на нее плохо влияю. В чем-то Джилл права. С годами ее неприязнь ко мне только усилилась и постепенно переросла в неприкрытое презрение. Меня это мало волнует. Я совершенно равнодушен к Тиффани, а потому несколько не стараюсь расположить к себе ее мамашу.

Стоит Джилл шагнуть за порог, как Тиффани прекращает терзать подол платья и, с облегчением откинувшись на спинку дивана, закатывает глаза.

— Она бывает такой занудой!

После чего подходит к колонкам и требует у Джейка снова включить музыку. Тот подчиняется, уменьшая, правда, громкость. Пока Тиффани и Джейк спорят, какие песни добавить в плей-лист и что кому налить, встаю и, приблизившись к ним, обхватываю Тиффани за плечи. Она с готовностью прижимается ко мне. Джейк искоса поглядывает на нас. Да, он может заполучить любую девушку, какую

пожелает, только не Тиффани. Три года назад она предпочла меня, а не его. Думаю, Джейк мне этого в жизни не простит.

Достаю из упаковки пиво.

— А ту бутылку чего не допиваешь? — мгновенно интересуется этот придурок, приподняв брови и противно ухмыляясь.

Ради остальных наших приятелей мы притворяемся, что дружим. А зря! Так и хочется съездить ему по морде.

Нахмурившись, смотрю на него с угрозой. Обычно такого взгляда достаточно, чтобы все поняли: со мной лучше не связываться. Однако на Джейка это давно не действует. Фыркнув, он передает мне открывалку для бутылок — похоже, нарочно старается вывести меня из себя.

— Что это Дин и Мег так долго торчат на втором этаже? — невинно интересуется Джейк, поднимая бокал с мешаниной из разных напитков. — Я изобрел отличный экзотический коктейль. Хочу испробовать его на Дине.

Заглянув в бокал, убеждаюсь, что из экзотического в нем — только ярко-зеленый цвет.

— Я за ними схожу.

Отхлебнув пива, вразвалку направляюсь к лестнице, теребя волосы и помахивая рукой с зажатой в ней бутылкой.

Дверь в комнату Тиффани приоткрыта, и мне видно, как Меган с воплями босиком мечется туда-сюда, закрыв лицо руками. Дин молча наблюдает за ней.

— Что-то вы, ребята, не торопитесь, — замечаю я, заходя к ним.

Оба поворачиваются ко мне. Меган явно на грани истерики. Застонав, она бросается на кровать. Только сейчас я замечаю, что ее платье сзади расстегнуто. Подмигиваю Дину.

— Что, уже перепихнулись?

— Очень смешно, — вздыхает Дин и кивает в сторону Мег. — Молнию заело.

Меган с трагическим видом садится на кровати.

— Придется взять одежду у Тиффани, — шмыгая носом, объявляет она таким тоном, как будто наступил конец света.

Подумать только, впасть в истерику из-за какого-то там платья! Воздерживаюсь от комментариев, иначе Меган меня убьет.

— Дай-ка я. — Ставлю бутылку на комод и, рывком поставив Меган на ноги, захожу сзади и внимательно разглядываю молнию. За те три года, что мы с Тиффани встречаемся, я научился неплохо разбираться в таких застежках. Замечаю, что между бегунком и зубцами оказался зажат кусочек материи. С силой тяну бегунок вниз, высвобождая ткань, и плавно застегиваю молнию.

Меган вздыхает с облегчением и, назвав меня своим спасителем, бежит за туфлями. Дин корчит недовольную мину, понимая, что сейчас я начну его подкалывать, и я не ставляю его долго ждать.

— Неужели ты не смог справиться с такой ерундой? — Ухмыляясь, беру его за руку чуть выше локтя и делаю вид, что безуспешно пытаюсь нащупать бицепс.

Дин — хороший парень, иногда даже слишком. Ему не мешало бы стать пожестче.

— Я решил положиться на тебя. Учитывая, сколько платьев ты успел растянуть за всю свою жизнь, тебе в этом нет равных, — парирует Дин.

Конечно, он преувеличивает. Мы дружно смеемся и, чокнувшись бутылками, отхлебываем пиво. Вытираю ладонью губы и перевожу взгляд на Меган. Сидя на кровати, она надевает туфли.

— А где Рейчел? — спрашиваю я, только сейчас осознав, что сегодня ее не видел.

Обычно она всегда ходит с нами и еще до начала вечеринки напивается так, что Дин вынужден поддерживать ее, чтобы не упала, а Джейк все продолжает ей наливать. Рейчел считает меня последней сволочью, поэтому я не слишком расстроен, что ее нет.

— Мама отправила ее с каким-то поручением, — объясняет Меган. — Но на вечеринку Рейчел придет. Кстати, а кто ее сегодня устраивает? Люси, что ли?

Этого я не помню. Вопросительно смотрю на Дина. Он знает все обо всех, от школьников до студентов. Не

представляю, зачем ему столько всего держать в голове.

— Да, Люси. По-моему, она девятиклассница.

Пожимаю плечами.

— Я не в теме.

Ничего удивительного, что эта Люси нас пригласила, хотя мы друг друга не знаем. Нас часто зовут на вечеринки совершенно незнакомые люди.

Со стороны входа слышится покашливание. Мы оборачиваемся. Тиффани стоит в дверях, прислонившись спиной к косяку, и, натянуто улыбаясь, накручивает локон на палец.

— Джейк налил вам по коктейлю, — глядя поочередно на Дина и Меган, сообщает она и подчеркнуто добавляет: — Пойдите, попробуйте.

— Другими словами, «убирайтесь вон из моей комнаты»? — шутит Дин.

На самом деле он прав: Тиффани имеет в виду именно это. В ответ на его подколку она хлопает своими невероятными ресницами и улыбается еще шире, обнажая зубы.

— Идем, Мег, — понимающе кивает Дин. — Оставим этих голубков наедине.

Он помогает Меган подняться с кровати; на таких высоких шпильках даже стоять тяжело. Они выходят, и Тиффани плотно закрывает дверь. Мы остаемся наедине. Ловлю себя на том, что усмехаюсь: Тиффани никогда не умела скрывать своих намерений.

— Неужели так не терпится? — поддразниваю я и залпом допиваю пиво.

Отставив бутылку, медленно приближаюсь к Тиффани, закатывая рукава до локтя. Все это так привычно... И вот уже мои руки стискивают ее бедра, а губы приближаются к ее губам. В нос ударяет приторный запах духов, и я едва не задыхаюсь.

Почему-то Тиффани не отвечает на мой поцелуй, а через несколько секунд и вовсе с силой отталкивает меня. Ошеломленно таращусь на нее, разинув от удивления рот. Раньше она никогда меня не динамила.